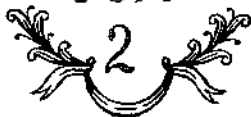

ПРОСПЕР МЕРИМЕ

ИЗБРАННЫЕ
СОЧИНЕНИЯ
в двух томах

ТОМ

*Государственное Издательство
Художественной Литературы
Москва*

1957

IL VICOLO DI MADAMA LUCREZIA*

Мне было двадцать три года, когда я отправился в Рим. Отец мой дал мне десяток рекомендательных писем, из которых одно, не менее чем на четырех страницах, было запечатано. На конверте было надписано: «Маркизе Альдо-бранди».

— Ты мне напишешь, — сказал мне отец, — попрежнему ли маркиза красавица.

Я с детства помнил висевшую над камином в его кабинете миниатюру, изображавшую очень красивую женщину с напудренными волосами, в венке из плюща, с тигровой шкурой через плечо. На фоне можно было прочесть: «Roma, 18..**». Наряд этой дамы казался мне странным, и я не раз спрашивал, кто она такая. Мне отвечали:

— Вакханка.

Но ответ этот меня не удовлетворял; я даже подозревал, что от меня что-то скрывают, так как при моем невинном вопросе матушка поджимала губы, а отец принимал серьезный вид.

На этот раз, передавая мне запечатанное письмо, он украдкой взглянул на портрет. Я невольно сделал то же самое, и мне пришло в голову, не является ли именно эта

* Переулок госпожи Лукреции (итал.).

** «Рим, 18..» (итал.).

пудренная вакханка маркизой Альдобранди. Так как я уже начал кое-что понимать, то я сделал немаловажные выводы из гримасы моей матушки и взгляда, брошенного отцом.

По прибытии моем в Рим первым письмом, которое я доставил по адресу, было письмо к маркизе. Она жила в прекрасном палаццо поблизости от площади св. Марка.

Я передал письмо и визитную карточку слуге в желтой ливрее, который ввел меня в просторную гостиную, довольно плохо обставленную, темную и унылую. Но во всех палаццо Рима находятся картины больших мастеров. И в этой гостиной их было немало, причем несколько — весьма замечательных.

Прежде всего я заметил женский портрет, как мне показалось, работы Леонардо да Винчи. По богатству рамы, по тому, что он стоял на подставке красного дерева, видно было, что это — украшение коллекции. Маркиза не появлялась, и у меня было достаточно времени, чтобы рассмотреть картину. Я даже поднес ее к окну, чтобы взглянуть на нее при более выгодном освещении. Это был, очевидно, портрет с натуры, а не фантазия, потому что такое лицо едва ли можно придумать: прекрасная женщина, с несколько полными губами, с почти сросшимися бровями, со взглядом одновременно надменным и ласковым. На заднем фоне был изображен ее герб с герцогской короной. Но больше всего меня поразил ее наряд: исключая пудру на волосах, он был совершенно такой же, как у вакханки моего отца.

Я еще держал портрет в руках, когда вошла маркиза.

— Совсем как отец! — воскликнула она, подходя ко мне. — Ах, эти французы! Не успел приехать, как уже завадел «Госпожой Лукрецией».

Я поспешил извиниться за свою нескромность и осыпал похвалами шедевр Леонардо, который я осмелился тронуть с места.

— Это действительно Леонардо, — сказала маркиза: — это портрет слишком знаменитой Лукреции Борджа. Из всех моих картин ваш отец больше всего восхищался этой... Но, боже мой, какое сходство! Я будто вижу вашего отца, каким он был двадцать пять лет тому назад. Как он поживает? Что подделывает? Не соберется ли он как-нибудь в Рим проведать нас?

Хотя на маркизе не было ни пудры, ни тигровой шкуры, я с первого же взгляда, силою вдохновения, узнал в ней

вакханку моего отца. Двадцать пять лет, прошедшие с того времени, не могли уничтожить всех следов ее красоты. Только выражение лица изменилось, равно как и платье. Одета она была в черное, а тройной подбородок, важная улыбка, торжественный и просветленный вид ясно давали понять, что она ударилась в набожность.

Впрочем, она приняла меня как нельзя более радушно. Без лишних слов она предоставила в мое распоряжение свой дом, свой кошелек и своих друзей, в числе которых она назвала нескольких кардиналов.

— Смотрите на меня, — сказала она, — как на свою мать.

Она скромно опустила глаза.

— Ваш батюшка поручает мне присматривать за вами и давать вам советы.

И в доказательство того, что она не считает свои обязанности синекурой, она тотчас же начала предостерегать меня от опасностей, какие могут встретиться в Риме на пути молодого человека моего возраста, и умоляла меня избегать их. Мне следовало остерегаться дурной компании, особенно артистов, и водиться исключительно с людьми, которых она мне укажет. Одним словом, я выслушал форменную проповедь. Я отвечал почтительно, с подобающим лицемерием.

Когда я встал, чтобы уходить, она мне сказала:

— Я жалею, что мой сын, маркиз в данный момент не здесь, а в Романье, в нашем имении, но я вас познакомлю со вторым моим сыном, Оттавио, который скоро будет монсиньором. Надеюсь, что он вам понравится и вы подружитесь, как этому и следует быть...

Она поспешно добавила:

— Потому что вы почти одного возраста, и он — юноша тихий и благоразумный, вроде вас.

Она тотчас же послала за доном Оттавио. Я увидел высокого молодого человека, бледного, меланхолического вида, с опущенными глазами, в котором сразу чувствовался святоша.

Не дав ему времени сказать что-либо, маркиза от его имени высказала готовность всегда и во всем служить мне. Он подтверждал глубокими поклонами каждую фразу своей матери, и мы условились, что завтра же он заедет за мною,

чтобы показать город, а потом отвезет меня к матери, чтобы пообедать запросто в палаццо Альдобранди.

Не успел я пройти и двадцати шагов по улице, как позади меня раздался повелительный окрик:

— Куда это вы идете один в такой час, дон Оттавио?

Я обернулся и увидел толстого аббата, который, вытаращив глаза, осматривал меня с головы до ног.

— Я не дон Оттавио, — сказал я ему.

Аббат, поклонившись мне чуть не до земли, рассыпался в извинениях, и мгновение спустя я увидел, что он вошел в палаццо Альдобранди. Я продолжал свой путь, не особенно польщенный тем, что меня приняли за этого будущего монсиньора.

Несмотря на предупреждение маркизы, а может быть, как раз вследствие этого предупреждения, я поспешил разыскать квартиру одного знакомого мне художника и провел в его мастерской целый час, рассуждая о дозволенных и недозволенных средствах развлечения, которые мог бы мне доставить Рим. Я посвятил его и в свои отношения к семейству Альдобранди.

Маркиза, сообщил он мне, была когда-то очень легкомысленной женщиной, но потом, увидев, что время побед для нее прошло, ударилась в ханжество. Старший сын ее — грубое существо; он только и делает, что охотится да собирает деньги с арендаторов в своих огромных поместьях. Теперь хотят задурить второго сына, дона Оттавио, из которого намереваются сделать кардинала. Пока что он предоставлен иезуитам. Он никогда не выходит из дому один. Ему запрещено смотреть на женщин и делать хоть один шаг без того, чтобы по пятам за ним не следовал аббат, воспитавший его для служения богу. Аббат этот был прежде последним amico* маркизы, а теперь управляет всем в ее доме, пользуясь властью почти деспотической.

На следующий день дон Оттавио в сопровождении аббата Негрони — того самого, который накануне принял меня за своего воспитанника, — заехал за мною и предложил свои услуги в качестве чичероне.

Первым памятником, который мы осмотрели, была какая-то церковь. По примеру своего аббата дон Оттавио преклонил колени, ударил себя в грудь и принялся без конца

* Друг, здесь — возлюбленный (*итал.*).

креститься. Поднявшись, он показал мне фрески и статуи, о которых высказался с толком и хорошим вкусом. Это меня приятно удивило. Мы начали беседовать, и разговор его мне понравился. Некоторое время мы говорили по-итальянски. Вдруг он обратился ко мне по-французски:

— Мой наставник не понимает ни слова на вашем языке. Давайте говорить по-французски: так мы будем чувствовать себя свободнее.

От перемены языка молодой человек словно переродился. Ничто в его словах не напоминало больше священника. Мне казалось, что я разговариваю с каким-нибудь нашим либералом из провинции. Но от меня не ускользнуло, что он продолжал говорить все тем же монотонным голосом, часто до крайности не соответствовавшим живости его выражений. Очевидно, это был заученный прием, имевший целью обмануть Негрони, который время от времени просил объяснить ему, о чем мы говорим. Разумеется, наши переводы были чрезвычайно свободными.

Мимо нас прошел молодой человек в фиолетовых чулках.

— Вот, — сказал мне дон Оттавио, — наши нынешние патриции. Гнусная ливрея! Увы, через несколько месяцев и я ее надену.

Помолчав, он продолжал:

— Какое счастье жить в такой стране, как ваша. Будь я французом, может быть я стал бы когда-нибудь депутатом!

Это благородное честолюбие страшно рассмешило меня. Аббат заметил это, я должен был объяснить ему, что разговор зашел у нас об ошибке одного археолога, принявшего за антик статую Бернини.

К обеду мы вернулись в палаццо Альдобранди. Почти сразу же после кофе маркиза попросила у меня извинения за сына, который должен был удалиться к себе в комнату для исполнения некоторых религиозных обязанностей. Я остался с нею и аббатом Негрони, который, развалившись в большом кресле, спал сном праведника.

Между тем маркиза стала подробнейшим образом расспрашивать меня об отце, о Париже, о моей прошлой жизни, о моих планах на будущее. Она показалась мне любезной и доброй, но слишком уж любопытной, а главное — слишком озабоченной спасением моей души. Впрочем, она превосходно говорила по-итальянски, и беседа с нею была для

меня отличным уроком произношения, который я решил повторить.

Я часто заходил к ней. Почти ежедневно по утрам я осматривал древности вместе с ее сыном и неизбежным Негрони, а под вечер обедал у них в палаццо. Принимала у себя маркиза лишь очень немногих лиц, и то почти исключительно духовных.

Впрочем, однажды она познакомила меня с какою-то немкой, большой ее подругой, недавно обратившейся в католичество. Это была г-жа Штраленгейм, уже много лет жившая в Риме. Пока дамы беседовали между собою о каком-то знаменитом проповеднике, я рассматривал при свете лампы портрет Лукреции. Мне показалось уместным тоже вставить словечко.

— Что за глаза! — воскликнул я. — Можно подумать, что эти веки сейчас дрогнут.

При этой несколько претенциозной гиперболе, на которую я отважился, чтобы выставить себя знатоком в глазах г-жи Штраленгейм, она задрожала от ужаса и спрятала лицо в платок.

— Что с вами, дорогая? — спросила маркиза.

— Ничего... Но этот господин только что сказал...

Ее засыпали вопросами, и после того как она призналась, что моя фраза привела ей на память один страшный случай, ее заставили эту историю рассказать.

Вот она в двух словах.

У мужа г-жи Штраленгейм была сестра по имени Вильгельмина, просватанная за молодого человека из Вестфалии, Юлиуса Кацнеленбогена, добровольца в дивизии генерала Клейста. Мне очень досадно, что приходится приводить такие варварские имена, но чудесные истории случаются только с людьми, имена которых трудно бывает произнести.

Юлиус был очаровательным юношей, преисполненным патриотизма и метафизики. Уходя на войну, он подарил Вильгельмине свой портрет, а Вильгельмина в обмен дала ему свой, который он всегда носил на груди. В Германии это очень принято.

13 сентября 1813 года, около пяти часов вечера, Вильгельмина, находившаяся в Касселе, вязала, сидя в гостиной вместе со своей матерью и золовкой. Во время работы она

поглядывала на портрет своего жениха, стоявший перед нею на маленьком рабочем столике. Вдруг она страшно вскрикнула, схватилась за сердце и упала в обморок. Большого труда стоило привести ее в сознание. Как только к ней вернулась способность речи, она воскликнула:

— Юлиус умер! Юлиус убит!

Она утверждала (и ужас, изображавшийся в ее чертах, достаточно подтверждал ее уверенность в этом), что она видела, как портрет закрыл глаза, и что в ту же минуту она почувствовала жгучую боль, словно раскаленное железо пронзило ей сердце.

Напрасно все старались ей доказать, что видение ее не имеет в себе ничего реального и что она не должна придавать ему никакого значения. Бедная девушка была безутешна; она провела ночь в слезах и на следующий день решила надеть траур, так как была уверена, что несчастье, ей возвещенное, уже произошло.

Два дня спустя было получено известие о кровопролитном сражении под Лейпцигом. Юлиус прислал своей невесте письмо, помеченное 13-м числом, три часа пополудни. Он не был ранен, отличился в бою и собирался вступить в Лейпциг, где рассчитывал провести ночь в главной квартире, вдаль от всякой опасности. Письмо это, несмотря на его утешительный характер, не могло успокоить Вильгельмину, которая, заметив, что оно помечено тремя часами, продолжала упорно верить, что в пять часов ее возлюбленный умер.

Несчастливая не ошиблась. Вскоре узнали, что Юлиус, посланный с приказом, выехал из Лейпцига в половине пятого и в трех четвертях мили от города, по ту сторону Эльстера, был застрелен каким-то отставшим от неприятельской армии солдатом, спрятавшимся во рву. Пуля, попавшая ему в сердце, пробила портрет Вильгельмины.

— Что же стало с несчастной девушкой? — спросил я у г-жи Штраленгейм.

— О, она тяжело заболела. Теперь она замужем за советником юстиции фон Вернером, и если вы попадете как-нибудь в Дессау, она покажет вам портрет Юлиуса.

— Все это козни дьявола, — произнес аббат, сквозь сон слушавший историю г-жи Штраленгейм. — Тот, кто заставлял вещать языческие оракулы, может, если ему заблагорассудится, привести в движение глаза на портрете. Всего два-

дцать лет тому назад в Тиволи одного англичанина задушила статуя.

— Статуя! — воскликнул я. — Как же это случилось?

— Некий милорд производил раскопки в Тиволи. Он нашел статую императрицы Агриппины, Мессалины... уж не помню, какой именно. Как бы то ни было, он велел доставить ее к себе в дом и все время глядел на нее и восхищался ею, так что влюбился в нее до безумия. Все эти господа протестанты и без того наполовину помешанные. Он звал ее своей женой, своей миледи, целовал ее, хотя она была мраморною. Он говорил, что статуя каждый вечер оживает, для того чтобы доставить ему удовольствие. Кончилось все это тем, что в одно прекрасное утро моего милорда нашли в постели мертвым. И поверите ли? Нашелся другой англичанин, который купил эту статую. Я бы ее пустил на известку.

Когда начинают говорить о сверхъестественном, трудно бывает остановиться. У каждого из нас нашлось что рассказать. Я тоже вложил свою долю в эту коллекцию страшных сказок. Неудивительно, что к тому времени, как нужно было расходиться, мы все были порядочно взволнованы и прониклись уважением к нечистой силе.

Я отправился домой пешком и, чтобы выйти на улицу Корсо, свернул в извилистый переулок, по которому еще никогда не ходил. Прохожих не было видно. Тянулись ограды садов и кое-где стояли ветхие домики, из которых ни один не был освещен. Пробило полночь; погода была пасмурная. Я шел довольно быстро и прошел уже с половины, как вдруг над головой у меня раздался шорох, тихое «ш-ш», и в ту же минуту к моим ногам упала роза. Я поднял глаза и, несмотря на темноту, разглядел у окна женщину в белом, протянувшую ко мне руку. Нам, французам, везет в чужих землях, и отцы наши, покорители Европы, с детства воспитали нас в традициях, лестных для национальной гордости. Я свято верил, что стоит только немецкой, испанской или итальянской даме взглянуть на француза, чтобы тотчас в него влюбиться. Одним словом, в то время я целиком разделял предрассудки моей страны, да к тому же и эта роза ясно подтверждала мои мысли.

— Сударыня, — сказал я тихо, поднимая розу, — вы уронили цветок...

Но женщина уже исчезла, и окно закрылось без малейшего шума. Я поступил так, как поступил бы всякий на моем месте. Я отыскал ближайшую дверь (она была в двух шагах от окна) и стал дожидаться, когда ее откроют. Прошло пять минут; полная тишина. Я кашлянул, тихонько постукался; дверь не отворилась. Я стал ее рассматривать более внимательно, надеясь найти ключ или щеколду; к моему величайшему удивлению я обнаружил на ней висячий замок.

«Ревнивец еще не вернулся домой!» — подумал я. Я поднял камешек и бросил его в окошко. Он стукнулся о деревянную ставню и упал к моим ногам. «Черт возьми! Что же, римские дамы воображают, что всякий носит с собой в кармане веревочную лестницу? Мне не говорили о таком обычае».

Я постоял еще несколько минут, все так же напрасно. Мне только почудилось раза два, что ставни слегка дрогнули, как будто изнутри хотели их приоткрыть, чтобы посмотреть на улицу. Через четверть часа мое терпение истощилось, я закурил сигару и пошел своей дорогой, постаравшись, однако, запомнить местоположение дома с замком на двери.

Обдумывая на следующий день это приключение, я пришел к следующему выводу: какая-то молодая римская дама, вероятно очень красивая, заметив меня во время моих прогулок по городу, пленилась моими скромными достоинствами. То, что она выразила мне свой пыл только таинственным цветком, объяснялось либо тем, что ее удержала от большего честная стыдливость, либо тем, что ей мешало присутствие какой-нибудь дуэньи, а может быть — проклятого опекуна, вроде Бартоло, приставленного к Розине. Я решил устроить форменную осаду дома, где обитала эта инфанта.

С этой благородной целью я вышел из дому, победоносно причесавшись. Я надел новый сюртук и желтые перчатки. В таком наряде, шляпа набекрень, увядшая роза в петлице, я направился к улице, названия которой я еще не знал, но которую нашел без труда. Дошечка над мадонной гласила, что зовется она *il vicolo di madama Lucrezia*.

Такое название меня удивило. Я сразу же вспомнил портрет Леонардо да Винчи и истории с таинственными предчувствиями и всякой чертовщиной, которые накануне мы рассказывали у маркизы. Затем я подумал о том, что

существует любовь, предопределенная небом. Почему бы предмету моей любви не зваться Лукрецией? Почему бы ей не походить на Лукрецию из галереи Альдобранди?

Было светло, я находился в двух шагах от очаровательной особы, и никакая мрачная мысль не примешивалась к чувствам, которые я испытывал.

Я стоял напротив того дома. На нем значился № 13. Плохое предзнаменование... Увы, дом этот нисколько не соответствовал представлению, которое я о нем себе составил, видя его ночью. Это отнюдь не было палаццо, совсем напротив. Я увидел ограду, потемневшую от времени и поросшую мхом, сквозь щели которой просовывались ветви запущенных плодовых деревьев. В углу сада возвышался маленький двухэтажный домик с двумя окнами на улицу; оба они были закрыты старыми ставнями, снабженными с наружной стороны множеством железных полосок. На входной двери, очень низкой и украшенной стершимся гербом, как и вчера, висел огромный замок с цепью. На двери было написано мелом: «Дом продается или отдается внаем».

Однако я не ошибался. Дома с этой стороны улицы были столь редки, что невозможно было смешать этот дом с другим. Конечно, это был тот самый замок; и, что еще важнее, два лепестка розы, лежавшие на панели около самой двери, с точностью указывали то место, где накануне я получил от моей возлюбленной знак ее чувства, и в то же время свидетельствовали, что панель перед ее домом не подметалась.

Я обратился к каким-то беднякам, жившим по соседству, чтобы узнать, где обитает сторож этого таинственного жилища.

— Он здесь не живет, — был короткий ответ.

Мне показалось, что вопрос мой не понравился тем, кого я спрашивал, и это еще более подстрекнуло мое любопытство. Заходя по очереди во все двери, я, наконец, попал в какой-то темный подвал, где сидела старуха, которую можно было принять за колдунью, так как около нее был черный кот и она что-то варила в котле.

— Вам угодно осмотреть дом госпожи Лукреции? — спросила она. — Ключ у меня.

— Отлично. Покажите мне дом.

— Что же, вы хотите его снять? — спросила она, недоверчиво усмехаясь.

— Да, если он мне подойдет.

— Он не подойдет вам. Но, если вы мне дадите на чай, я вам его покажу, пожалуй.

— Охотно.

Заручившись моим обещанием, она проворно встала со скамейки, сняла со стены заржавленный ключ и повела меня к дому № 13.

— Почему дом этот называется домом госпожи Лукреции? — спросил я.

Старуха захихикала:

— Почему вы называетесь иностранцем? Не потому ли, что вы иностранец?

— Хорошо, но кто была эта госпожа Лукреция? Какая-нибудь римская дама?

— Как! Вы приехали в Рим и никогда не слышали о госпоже Лукреции! Когда мы войдем, я вам расскажу ее историю. Но что за чертовщина еще с этим ключом? Я не знаю, что с ним, он не поворачивается. Попробуйте вы сами.

Действительно, надо полагать, что этот ключ и замок давненько не встречались между собой. Все же, после того как я выругался несколько раз и достаточно поскрипел зубами, мне удалось повернуть ключ. Но при этом я разорвал свои желтые перчатки и едва не вывихнул руку. Мы вошли в темный коридор, куда выходил ряд низеньких комнат.

Потолки, занятно разукрашенные, были покрыты паутиной, под которой с трудом можно было разобрать остатки позолоты. Запах плесени во всех комнатах ясно показывал, что в них давно никто не жил. Никакой мебели не было. Ключья старых кожаных обоев свисали с отсыревших стен. Судя по лепке некоторых консолей и по форме каминов, я решил, что дом был выстроен в XV веке и, надо думать, был когда-то обставлен с некоторым изяществом. Окна с мелким переплетом, в которых большая часть стекол была выбита, выходили в сад, где я заметил цветущий розовый куст, несколько плодовых деревьев и большое количество цветной капусты.

Обойдя все комнаты нижнего этажа, я стал подниматься во второй, где я видел накануне свою незнакомку. Старуха пыталась меня удержать, уверяя, что там нечего смотреть и что лестница в плохом состоянии. Но, видя мое упорство, она пошла за мною следом с явным неудовольствием. Ком-

наты в этом этаже были очень похожи на нижние, только они были не такими сырыми; потолки и окна тоже были в лучшем состоянии. В последней из комнат, куда я зашел, стояло широкое кресло, обитое черной кожей, и, странное дело, оно не было покрыто пылью. Я сел в него и, найдя, что в нем достаточно удобно слушать, попросил старуху рассказать мне о госпоже Лукреции. Но предварительно, чтобы освежить ее память, я дал ей несколько паоло. Она прокашлялась, высморкалась и начала так:

— В языческие времена был император Александр; у него была дочь, прекрасная как ясный день, которую звали госпожа Лукреция. Да вот, взгляните!..

Я быстро обернулся. Старуха показывала мне на консоль, поддерживавшую главную балку зала. Она изображала грубо вылепленную сирену.

— Да, — продолжала старуха, — она любила повеселиться. А так как отцу это могло бы не понравиться, то она выстроила себе вот этот домик, где мы с вами находимся.

Каждую ночь спускалась она с Квиринала и приходила сюда развлекаться. Садилась у этого окна и, когда по улице проходил какой-нибудь красивый кавалер, вроде вас, сударь, зазывала его. Можете себе представить, как его здесь принимали! Но мужчины болтливы, некоторые из них по крайней мере, и своей болтовней могли бы ей повредить. И она принимала свои меры. Когда она прощалась со своим милым, на лестнице, по которой мы с вами подымались, уже стояли ее прислужники. Они живо с ним расправлялись, а потом зарывали в этих грядках цветной капусты. Вы не поверите, сколько костей выкопали в этом саду!

Долго она забавлялась таким образом. Но вот как-то раз вечером проходит под окном брат ее, Сикст Тарквиний. Она не узнала его. Зазывает к себе. Он подымается. Ночью ведь все кошки серы. И с ним случилось то же, что со всеми. Но он оставил у нее свой носовой платок, на котором было вышито его имя.

Как только узнала она, какое злое дело они совершили, на нее напало отчаяние. Она живо сняла подвязку и повесилась вон на той балке. Вот хороший пример для молодежи!

Покуда старуха путала таким образом все эпохи, соединяя Тарквиниев с Борджа, я не сводил глаз с пола. Я заме-

тил на нем несколько совершенно свежих розовых лепестков, которые навели меня на размышления.

— А кто ходит за садом? — спросил я старуху.

— Мой сын, сударь, садовник господина Ванощи, у которого сад рядом. Господин Ванощи все время проводит в Мареммах и почти не бывает в Риме. Потому-то и сад немного запущен. Мой сын всегда с ним. Боюсь, что не скоро они вернуться, — прибавила она со вздохом.

— Он очень занят у господина Ванощи?

— Ах, господин Ванощи странный человек: прямо не поймешь, чем они занимаются... Боюсь, что не обходится тут без темных дел... Бедный мой сын!

Она сделала шаг к выходу, словно желая прекратить разговор.

— Значит, здесь никто не живет? — спросил я, оставившая ее.

— Ни живой души.

— А почему?

Она пожала плечами.

— Послушайте, — сказал я, протягивая ей пиастр, — скажите правду. Сюда приходит женщина?

— Женщина? Помилуй бог.

— Да, я вчера вечером видел ее, даже разговаривал с ней.

— Матерь божия! — воскликнула старуха, бросившись к лестнице. — Значит, это была госпожа Лукреция! Пойдемте скорей отсюда, мой добрый господия! Мне говорили, что она бродит тут по ночам, только я не хотела вам этого рассказывать, чтобы не повредить интересам моего хозяина: я думала, вы хотите снять этот дом.

Я не в силах был ее удержать. Она торопилась из дома, чтобы поскорей, как она уверяла, поставить свечку в ближайшей церкви.

Я тоже вышел и отпустил ее, потеряв надежду узнать от нее что-нибудь еще.

Само собой разумеется, в палатце Альдобранди я ничего не рассказал о своем приключении: маркиза была слишком добродетельна для таких разговоров, а дон Оттавио настолько был занят политикой, что едва ли мог бы дать мне какой-нибудь совет в любовной интриге. Но я посетил своего приятеля художника, знавшего в Риме всю подноготную, и спросил его, что он обо всем этом думает.

— Я думаю, — отвечал он, — что вам явился призрак Лукреции Борджа. Какой ужасной опасности вы подвергались! Если она и при жизни была опасной женщиной, то какой же она стала после смерти! Страшно подумать.

— Нет, шутки в сторону, что бы это могло значить?

— Видно, что вы — атеист, философ и не верите в самые почтенные вещи. Отлично; в таком случае что вы скажете о следующей гипотезе: предположим, что старуха предоставляет свой дом женщинам, способным зазывать к себе прохожих с улицы. Ведь бывают иногда такие порочные старухи, которые занимаются подобным ремеслом.

— Отлично, — возразил я, — но почему же в таком случае старуха не предложила мне своих услуг? Неужели у меня вид такого святоши? Это даже обидно. А потом, мой друг, вспомните, какая обстановка в этом доме. Надо идти до последней крайности, чтобы удовлетвориться ею...

— Тогда это — привидение, не сомневайтесь в этом. Пойдите, еще одна гипотеза: вы ошиблись домом. Черт возьми, дайте подумать: около сада? Маленькая низенькая дверь?.. Ну, так это моя добрая приятельница Розина. Года полтора тому назад она была украшением этой улицы. Правда, она с тех пор окривела, но это пустяк... Она еще очень недурна в профиль.

Но ни одно из этих объяснений меня не удовлетворило. Когда наступил вечер, я медленно прошел мимо дома Лукреции. Никаких признаков жизни. Прошел еще раз — опять ничего. Три или четыре вечера подряд, возвращаясь из палатцо Альдобранди, я караулил под окнами моей незнакомки без всякого успеха. Я начал уже забывать таинственную обительницу дома № 13, как вдруг, проходя однажды около полуночи по переулку, я явственно услышал женский смех за ставнями того окна, у которого появилась женщина, подарившая мне цветок. Я еще раз услышал женский смех и не мог отогнать чувство некоторого ужаса, когда в ту же минуту увидел, как в другом конце улицы показалась группа кающихся в капюшонах, со свечами в руках, провожая на кладбище какого-то покойника. Когда они прошли мимо, я снова занял свой сторожевой пост под окном, но ничего уже больше не услышал. Я пробовал бросать камешки, даже звал несколько раз вполне отчетливо, — никто не показывался. Разразившийся ливень заставил меня удалиться.

Мне стыдно признаться, сколько раз я останавливался около этого проклятого дома, не будучи в состоянии разрешить мучившую меня загадку. Случилось однажды так, что я проходил по переулку госпожи Лукреции с доном Оттавио и его неотлучным аббатом.

— Вот дом Лукреции, — сказал я.

Я заметил, что дон Оттавио изменился в лице.

— Да, — ответил он. — Согласно народному преданию, очень недостоверному, Лукреция Борджа избрала этот дом местом своих тайных развлечений. Если бы эти стены могли говорить, сколько ужасов они бы нам поведали! А между тем, друг мой, сравнивая тогдашние времена с нашими, я начинаю сожалеть о них. При Александре VI еще были римляне. Сейчас их больше нет. Цезарь Борджа был чудовище, но он был великий человек. Он хотел изгнать варваров из Италии, и, проживи его отец дольше, ему бы, может быть, удалось осуществить этот великий замысел. О, если бы небо послало нам тирана вроде Борджа и освободило нас от этих мелких деспотов, которые превращают нас в тупых скотов.

Когда дон Оттавио пускался в область политики, остановить его было невозможно. Мы дошли до Пьяцца дель Пополо, а он еще не кончил своего панегирика просвещенному деспотизму. Про меня и мою Лукрецию не было уже и помину.

Однажды поздно вечером я пошел навестить маркизу. Она сказала мне, что ее сыну нездоровится, и попросила меня пройти к нему в комнату. Он лежал на кровати одетый и читал французскую газету, которую я утром переслал ему, тщательно запрятав ее в том «отцов церкви». С некоторых пор творения отцов церкви служили нам для подобных посылок, которые следовало скрывать от аббата и маркизы. В дни, когда приходила почта из Франции, мне присылали большой том ин-фолио. Я отсылал в обмен другой, в который вкладывал газету, полученную от секретаря посольства. Это внушало самое высокое представление о моем благочестии маркизе и ее духовнику, который иногда пытался вызвать меня на богословские собеседования.

Поболтав некоторое время с доном Оттавио, я заметил, что он был очень взволнован и что даже политика не могла поглотить его внимания. Я посоветовал ему лечь в постель и попрощался с ним. Было холодно, а плаща я не захватил

с собой, Дон Оттавио стал упрашивать меня взять его плащ. Я согласился, но попросил его научить меня сложному искусству закутываться в плащ, как это делают истые римляне.

Завернувшись в плащ до самого носа, я вышел из палаццо Альдобранди. Не успел я сделать несколько шагов по тротуару площади св. Марка, как какой-то человек из простонародья, сидевший у ворот палаццо, подошел ко мне и сунул скомканную бумажку.

— Ради бога, прочтите, — сказал он.

Затем он пустился бежать со всех ног и скрылся.

Держа бумажку в руках, я стал искать места посветлее, чтобы прочитать ее. При свете лампадки, зажженной перед мадонной, я увидел, что это была записка, написанная карандашом, и, очевидно, дрожащей рукой. Я с трудом разобрал следующее:

«Не приходи сегодня вечером, иначе мы погибли! Известно все, кроме твоего имени. Ничто не сможет нас разлучить. Твоя Лукреция».

— Лукреция! — воскликнул я. — Опять Лукреция! Что за мистификация подо всем этим скрывается? «Не приходи». Но, милая моя, как найти к вам дорогу?

Погрузившись в глубокое раздумье по поводу этой записки, я машинально свернул в переулок госпожи Лукреции и вскоре очутился напротив дома № 13.

На улице, как и всегда, никого не было, и только звук моих шагов нарушал глубокую тишину, царившую кругом. Я остановился и посмотрел на окно, так хорошо мне знакомое. Нет, я не ошибался: ставня начала приоткрываться. Наконец окно широко распахнулось. Мне показалось, что на темном фоне комнаты обрисовалась человеческая фигура.

— Лукреция, это вы? — спросил я вполголоса.

Мне не ответили, но я услышал какое-то шелканье, причины которого я сначала не понял.

— Лукреция, это вы? — снова спросил я немного громче.

В то же мгновение меня что-то страшно ударило в грудь, раздался выстрел, и я упал на мостовую. Хриплый голос мне крикнул:

— Вот тебе от госпожи Лукреции!

И ставня бесшумно затворилась.

Я тотчас же, шатаясь, поднялся и прежде всего стал себя ощупывать, думая найти большую дыру в животе. Плащ был пробит, платье тоже, но удар пули был ослаблен складками плаща, так что я отделался только контузией.

Мне пришло в голову, что за первым выстрелом может последовать второй, и я поскорей перебрался на ту сторону улицы, где находился негостеприимный дом, и начал красться вдоль стен, чтобы в меня не могли целиться.

Я шел как мог быстрее, едва переводя дух, как вдруг какой-то человек, которого я не заметил за своей спиной, взял меня за руку и с участием осведомился, не ранен ли я.

По голосу я узнал дона Оттавио. Как ни сильно я был удивлен, увидев его одного в такой час ночи на улице, расспрашивать было не время. В двух словах я сообщил ему, что в меня стреляли из какого-то окна и что я только получил ушиб.

— Это было недоразумение! — воскликнул он. — Но я слышу, сюда идут люди. В состоянии ли вы идти? Я погиб, если нас с вами застанут вместе. Все-таки я не оставлю вас.

Он взял меня за руку и быстро повел. Мы шли, или, лучше сказать, бежали, покуда мне позволяли силы; но вскоре я вынужден был присесть на уличную тумбу, чтобы перевести дыхание.

К счастью, мы находились неподалеку от какого-то большого дома, где давали бал. У подъезда его стояло множество карет. Дон Оттавио договорился с кучером одной из них, усадил меня в карету и отвез в мою гостиницу. Выпив большой стакан воды, который меня окончательно привел в себя, я рассказал дону Оттавио во всех подробностях, что произошло со мной у этого рокового дома, начиная с подаренной розы вплоть до свинцовой пули.

Он слушал меня, опустив голову и полузакрыв лицо рукой. Когда я показал ему полученную мной записку, он схватил ее, с жадностью прочел и снова воскликнул:

— Это недоразумение, ужасное недоразумение!

— Согласитесь, мой друг, — сказал я, — что оно крайне неприятно для меня, да и для вас тоже. Меня едва не убили, а ваш прекрасный плащ продырявили в десяти или двенадцати местах. Черт возьми! И ревнивы же ваши соотечественники!

Дон Оттавио пожал мне руки с огорченным видом и еще раз перечел записку, ничего не отвечая.

— Объясните же мне, что тут происходит, — сказал я ему. — Черт бы меня побрал, если я хоть что-нибудь понимаю.

Он пожал плечами.

— Скажите по крайней мере, что мне делать? — продолжал я. — К кому я должен обратиться в вашем святом городе, чтобы привлечь к ответственности этого господина, который подстреливает прохожих, даже не справляясь об их имени? Признаться, я был бы очень рад послать его на виселицу.

— Боже вас упаси! — вскричал он. — Вы не знаете этой страны. Не говорите никому ни слова о том, что с вами случилось. Иначе вы себя подвергнете большой опасности.

— Как! Подвергну себя опасности? Ну нет! Я очень рассчитываю получить реванш. Если бы еще я оскорбил этого негодяя, тогда другое дело... Но только за то, что я поднял розу... По совести, я не заслуживал пули.

— Предоставьте действовать мне, — сказал дон Оттавио. — Может быть, мне удастся разьяснить эту тайну. Но я убедительно прошу вас, во имя вашей дружбы ко мне, — не говорите об этом ни одной живой душе! Обещаете?

У него был такой печальный вид, и он так меня умолял, что у меня не хватило духа отказать ему, и я обещал ему все, о чем он просил. Он пылко поблагодарил меня, сам положил мне на грудь компресс с одеколоном, пожал мне руку и простился.

— Кстати, — спросил я его, когда он уже отворил дверь, чтобы выйти, — объясните мне, пожалуйста, как вы очутились как раз там, чтобы прийти мне на помощь?

— Я услышал ружейный выстрел, — ответил он не без смущения, — и тотчас же выбежал из дому, испугавшись, не случилось ли с вами какого несчастья.

И он быстро ушел, еще раз попросив меня держать все в тайне.

Наутро меня посетил хирург, присланный, без сомнения, доном Оттавио. Он прописал мне припарку, но не спрашивал о причине того, что к лилейному цвету моего лица примешались фиалковые тона. В Риме принято быть скромным, и я решил не отступать от общего правила.

Прошло несколько дней, а я все никак не мог свободно поговорить с доном Оттавио. Он был чем-то озабочен, еще более мрачен, чем обычно, а кроме того, казалось, избегал вопросов с моей стороны. В те редкие минуты, что я проводил с ним, он ни словом не обмолвился о странных обитателях *vicolo di madama Lucrezia*. Приближался срок его рукоположения, и я объяснял его меланхолию отвращением к профессии, которой он был вынужден отдаться.

Я готовился покинуть Рим и отправиться во Флоренцию. Когда я объявил о своем отъезде маркизе Альдо-бранди, дон Оттавио попросил меня под каким-то предлогом зайти к нему в комнату.

Там он взял меня за обе руки и сказал:

— Дорогой друг мой, если вы не окажете мне услуги, о которой я вас попрошу, я несомненно застрелюсь, потому что у меня нет другого способа выйти из тяжелого положения, в которое я попал. Я твердо решил никогда не облачаться в мерзкую одежду, которую меня заставляют надеть. Я хочу бежать из этой страны. Просьба моя к вам — взять меня с собою. Вы выдадите меня за вашего слугу. Достаточно простой приписки к вашему паспорту, чтобы облегчить мне бегство.

Сначала я пробовал отговорить его, указывая на то, какое огорчение он этим доставит матери; но так как он был непоколебим в своем решении, я в конце концов обещал взять его с собой, вписав его в мой паспорт.

— Это еще не все, — сказал он. — Мой отъезд зависит от успеха одного предприятия, в которое я замешан. Вы собираетесь ехать послезавтра. К этому дню, может быть, мне удастся успешно закончить мое дело, и тогда я буду к вашим услугам.

— Неужели вы настолько безумны, — спросил я не без некоторой тревоги, — что дали себя втянуть в какой-нибудь заговор?

— Нет, — ответил он, — дело идет о вопросе менее важном, чем судьба моей родины, однако достаточно важном для того, чтобы от успеха или неуспеха этого предприятия зависели моя жизнь и мое счастье. Сейчас я не могу вам больше ничего сказать. Через два дня вы все узнаете.

Я уже начал привыкать ко всяким тайнам и потому принял это безропотно. Мы условились, что выедем в три часа

утра и остановимся не раньше, чем вступив на территорию Тосканы.

Решив, что не стоит ложиться спать, если мы задумали выехать так рано, я в последний вечер, который мне оставалось провести в Риме, посетил дома, где я был принят. Я зашел и к маркизе, чтобы проститься с нею и пожать официально, для проформы, руку ее сыну. Я почувствовал, как его рука дрожала при рукопожатии. Он мне шепнул:

— В эту минуту моя жизнь разыгрывается в «орла или решку». В гостинице вас ждет письмо от меня. Если ровно в три часа меня у вас не будет, не ждите меня.

Меня поразило, как он осунулся, но я приписал это вполне понятному волнению в момент, когда он расставался, быть может навсегда, со своей семьей.

Около часа пополудни я пошел домой. Мне захотелось еще раз пройти по *vicolo di madama Lucrezia*. Что-то белое свешивалось из окна, в котором предстали мне два столь различных видения. Я осторожно приблизился. Это была веревка с узлами. Означало ли это приглашение зайти проститься с синьорой? Похоже было на то, и искушение было сильное. Однако я не поддался ему, вспомнив обещание, данное дону Оттавио, а также, должен сказать, и нелюбезный прием, который несколько дней тому назад встретила гораздо менее дерзкая попытка с моей стороны.

Я прошел мимо, но удалялся очень медленно, сожалея, что теряю последний случай проникнуть в тайну дома № 13. После каждого шага я оборачивался, всякий раз думая увидеть какую-нибудь человеческую фигуру, спускающуюся или поднимающуюся по этой веревке. Никто не показывался. Я дошел до конца переулка и уже выходил на Корсо.

— Прощайте, госпожа Лукреция! — сказал я, снимая шляпу и кланяясь дому, который еще был виден. — Ищите кого-нибудь другого, кто бы отомстил ревнивцу за то, что он держит вас взаперти.

Пробило два часа, когда я вернулся в свою гостиницу. Карета была уже во дворе, нагруженная моими вещами. Один из лакеев гостиницы передал мне письмо. Оно было от дона Оттавио. Так как оно показалось мне длинным, я подумал, что лучше прочитать его у себя в комнате, и попросил лакея мне посветить.

— Сударь, — сказал он, — ваш слуга, о котором вы нам говорили, тот, что должен с вами ехать...

— Так что же, он здесь?

— Нет еще...

— Он на почтовой станции, он пошел за лошадьми.

— Сударь, только что пришла дама, которая желает поговорить с вашим слугою. Она захотела непременно пройти к вам и поручила мне передать вашему слуге, как только он явится, что госпожа Лукреция находится в вашей комнате.

— В моей комнате? — вскричал я, хватаясь за перила лестницы.

— Да, сударь. И, повидимому, она тоже едет, так как передала мне небольшой сверток; я положил его на крышу кареты.

Сердце у меня сильно забилося. Какой-то суеверный страх, смешанный с любопытством, овладел мною. Я поднялся по лестнице, осторожно шагая по ступенькам. На площадке второго этажа лакей, шедший впереди меня, остушился, и свеча, которую он нес в руке упала и погасла. Он стал на все лады извиняться и пошел вниз, чтобы снова зажечь ее. Я между тем продолжал подыматься.

Уже я взялся за ручку моей двери. Я колебался. Какое новое видение предстанет мне? История «окровавленной монахини» не раз приходила мне на память, пока я шел в темноте. Может быть, и я нахожусь во власти дьявола, как дон Алонзо? Мне казалось, что лакей ужасно долго не идет.

Я открыл дверь. Слава богу! В моей спальне горел свет. Я быстро прошел маленькую гостиную перед спальней. С первого взгляда я убедился, что в спальне никого нет. Но сейчас же я услышал позади себя легкие шаги и шорох платья. Мне показалось, что у меня волосы встали дыбом. Я быстро обернулся.

Женщина, вся в белом, с черной мантильей на голове, приближалась ко мне с раскрытыми объятиями.

— Наконец-то, мой возлюбленный! — воскликнула она, хватая меня за руку.

Ее рука была холодна как лед, а на лице — смертельная бледность. Я отступил к стене.

— Пресвятая дева, это не он!.. Ах, сударь, вы друг дона Оттавио?

Эти слова объяснили мне все. Молодая женщина, несмотря на свою бледность, отнюдь не походила на привидение. Она опускала глаза, чего привидения никогда не

делают, и руки ее были сложены скромно у пояса: я понял, что мой друг дон Оттавио не такой уж тонкий политик, каким я его считал. Короче сказать, пора было похитить Лукрецию, и, к несчастью, во всем этом приключении на мою долю выпала только роль наперсника.

Через минуту явился дон Оттавио; он был переодет. Привели лошадей, и мы двинулись в путь. У Лукреции не было паспорта, но женщина, да еще красивая, не внушает подозрений. Однако один из жандармов стал придирааться. Я сказал ему, что он храбрец и, наверно, служил при великом Наполеоне. Он подтвердил это. Я подарил ему портрет этого великого человека в золотой рамке и сказал, что имею привычку брать с собою в путешествие, чтобы не было скучно, какую-нибудь *amica*,* но ввиду того, что я их меняю довольно часто, я считаю излишним прописывать их в своем паспорте.

— Эта, — прибавил я, — едет со мною до ближайшего города. Там, говорят, я могу найти других не хуже ее.

— Напрасно будете менять, — отвечал жандарм, почти-тельно закрывая дверцы кареты.

Если вам угодно знать, сударыня, негодный дон Оттавио познакомился с этой прелестной особой, сестрой некоего Ванощи, богатого земледельца, бывшего на плохом счету из-за его легких связей с либералами и очень серьезных — с контрабандистами. Дону Оттавио было отлично известно, что, если бы даже его семейство и не предназначало его для духовного поприща, оно никогда не позволило бы ему жениться на девушке столь неравного положения.

Любовь изобретательна. Ученику аббата Негрони удалось завязать тайные сношения со своей возлюбленной. Каждую ночь он ускользал из палаццо Альдобранди и, не уверенный в том, что сможет влезть с улицы через окно в дом Ванощи, виделся со своей милой в доме госпожи Лукреции, дурная слава которого обеспечивала им безопасность. Маленькая калитка, прикрытая фиговым деревом, соединяла оба сада. Будучи молоды и влюблены, Лукреция и Оттавио не жаловались на недостаточность мебелировки, которая, как я уже говорил, сводилась к одному старому, кожаному креслу.

* Подруга (*итал.*).

Однажды вечером, поджидая дона Оттавио, Лукреция приняла меня за него и бросила мне розу, как я уже рассказал. Правда, ростом и фигурой я был довольно похож на дона Оттавио, и сплетники, знавшие моего отца в Риме, говорили, что для этого были основания. Случилось, что проклятый брат узнал об этой интриге, но, несмотря на его угрозы, Лукреция не сказала ему имени ее соблазнителя. Вы уже знаете, какова была его месть и как я чуть было не расплатился за всех. Излишне также рассказывать о том, как влюбленные ускользнули каждый из своего дома.

Заключение. Мы все трое добрались до Флоренции. Дон Оттавио обвенчался с Лукрецией и тотчас же уехал с нею в Париж. Отец мой принял его так же, как я был принят маркизой. Он взялся примирить его с матерью, и ему, хоть и не без труда, удалось этого достигнуть. Маркиз Альдобранди весьма кстати заболел болотной лихорадкой и умер. Дон Оттавио унаследовал его титул и состояние, и я был крестным отцом его первенца.

КОММЕНТАРИИ

Было напечатано лишь посмертно в сборнике «Последние новеллы» (1873). Однако написана новелла была лет за двадцать пять до смерти Мериме, так как была найдена авторская ее рукопись, датированная 27 апреля 1846 г.

Стр. 535. ...*это портрет слишком знаменитой Лукреции Борджа*. — Портрет Лукреции Борджа работы Леонардо да Винчи — вымысел Мериме.

Стр. 536. *Монсеньор* — титул, который в Италии и во Франции носят епископы и кардиналы.

Стр. 538. *Бернини* Джованни Лоренцо (1598—1680) — выдающийся итальянский живописец, скульптор и архитектор.

Стр. 539. *Штраленгейм* — фамилия, несомненно имеющая иронический смысл, так как буквально она означает — обитель лучей.

Стр. 542. *Дощечка над мадонной*... — В Италии на углах улиц часто бывают водружены грубо сделанные изваяния мадонны.

Стр. 545. *Паоло* — мелкая серебряная монета, имевшая хождение в Риме и в Папской области.

В языческие времена... — Весь дальнейший рассказ старухи представляет собой смешение образов и преданий разных эпох. Героиня легенды Лукреция Борджа — лицо историческое. Она жила с 1478 по 1519 г. и была дочерью папы Александра VI Борджа, занимавшего папский престол с 1492 по 1503 г., и его любовницы Ваночцы де Катанеи. Братом ее, сыном папы от той же Ваночцы, был известный тиран Цезарь (Чезаре) Борджа. Еще при жизни этих лиц сложились легенды об их необычайном распутстве и кровожадности, имевшие (особенно в том, что касается Цезаря Борджа и его отца) некоторое фактическое основание, но все же содержавшие большие преувеличения. Так, например, рассказы о кровосмесительной связи Лукреции с отцом и братом, о том, что Александр VI умер от яда, предназначенного им для другого лица и выпитого по ошибке им самим, и т. п., следует считать вымыслами. Однако это было выяснено лишь в позднейшее время, после смерти Мериме. — В своем рассказе старуха смешивает папу Александра VI с Александром Македонским (из царя-завоевателя превращенным ею в «императора») и далее. Лукрецию Борджа — с древней римлянкой Лукрецией, обесчещенной сыном последнего римского царя Тарквиния Гордого, Секстом Тарквинием, который назван старухой родным братом Лукреции. Внешним поводом для второго смешения послужила упомянутая легенда о связи Лукреции Борджа с ее братом, а также то, что местом действия является Рим, где в народных сказаниях часто смешивались античные и средневековые предания. Путаницу (на этот раз уже не в голове старухи, а нарочито вносимую Мериме, в целях создания атмосферы таинственных совпадений и соответствий) еще усугубляет то, что владельца дома, куда якобы приходила Лукреция, зовут Ваночци, — именем, почти тождественным с именем матери Лукреции Борджа.

Стр. 546. *Мареммы* — очень плодородная, но зараженная лихорадкой местность в центральной Италии, неподалеку от Рима.

Пиастр — старинная крупная серебряная монета испанского происхождения, имевшая хождение также в Италии и в некоторых других странах.

Стр. 547. *Группа кающихся* — см. примечание к «Душам чистилица», стр. 623.

Стр. 554. *История «окровавленной монахини»* — один из ярких эпизодов романа Льюиса «Монах» (1795). Упомянутый дальше дон Алонзо — персонаж этого романа.